

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемеше, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнойбойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Пуля ударила в стену возле самого лица. Кирпичные осколки больно рванули щеку, которую будто током ударило. Вниз потекло теплое, коснулось верхней губы...

— Назад, мать твою, — крикнул напарник, спрятавшийся за дверцей машины. Какой идиот-инструктор учит их подобному? Да, эти дверцы считаются бронированными, но броня там весьма хлипкая. Такую защиту шьет навывлет с десяти шагов даже пистолетная пуля со стальным сердечником. А из-за бронированного джипа работали очередями автоматы LR-300 из трех стволов.

«Толкачам» терять было нечего — на них очевидный труп, от которого не отвертеться, и минимум пятьдесят фунтов дури в багажнике. Понятное дело, они будут огрызаться до последнего патрона...

И патронов у них навалом.

Полицейская машина уже напоминала решето, и напарник, скорчившийся за дверцей, был жив лишь чудом. Он вздрагивал от каждого удара пули в свою ненадежную защиту — ведь каждый из них мог оказаться для него последним. Ну да, это только в кинобевиках лихие полицейские храбро палят из карманной артиллерии, прячась за дверцами своих патрульных

машин. В жизни их, насмотревшихся американского кино, валят как мишени в тире прямо через эти дверцы из мощного оружия, свободно продающегося на каждом углу в свободной стране.

...Горячая капля стекла с верхней губы, коснулась нижней. Во рту появился соленый привкус жидкой ржавчины. Слишком хорошо знакомый, будящий воспоминания о насквозь прокушенной губе, когда он увидел...

Дальше думать было нельзя.

Табу.

Строжайший запрет, который он поставил себе сам.

Потому что если начать думать, то красная пелена немедленно застит взгляд, а с ней и безумие хлынет в мозг кипящей волной. И черт его знает, что будет потом — страшный запой, драка в баре, больше похожая на бойню... или же ступор, когда стоишь у окна, тупо глядя в одну точку, и понимаешь — стоит лишь шевельнуться, и тебя накроет с головой волна Боли, по сравнению с которой любая физическая боль покажется величайшим благом, счастьем, кратковременным избавлением от той ужасной Боли с Большой Буквы...

В таких случаях, когда граница безумия подступала слишком близко, помогали лошадиные дозы антидепрессантов — или кварта виски, выпитая одним махом, как неприятное, но необходимое лекарство. Но сейчас у него не было с собой ни оранжевой баночки с таблетками, ни спасительной бутылки.

И тогда он сделал единственное, что могло помочь в этой ситуации...

— Не надо... — раздался за спиной голос напарника.

«Все-таки молодец он, — промелькнуло в голове. — Сам боится пошевелиться, а за старшего переживает больше, чем за себя. Будет из парня толк. Если выживет, конечно».

Он шел вперед, стреляя с двух рук чуть выше вспрысков, мелькавших в разбитых окнах джипа. Без страха — он давно разучился бояться за себя, а больше было не за кого. Без эмоций — ему давно было наплевать на все, и сам он был первым в очереди тех, к кому испытывал полное равнодушие. Без мыслей — а о чем тут думать, когда все, что нужно, это нажать на спусковые крючки, мысленно отсчитывая количество отстрелянных патронов? Несложное занятие. Чисто рефлекторное, ибо стрельба в тире была для него уже несколько лет одной из немногих отдушин, вызывавших хоть какой-то интерес...

Одна пуля разбила вдребезги рацию на плече, вторая горячо ужалила в руку. Хорошо! Физическая боль — это прекрасно! Она бодрит, заставляет измученный воспоминаниями организм осознать, что он еще жив. Но главное — она немного отодвигает назад границу безумия, за которую — чего уж скрывать — переступать совсем не хочется. Уж лучше еще одна пуля, прилетевшая в лоб. Чтоб сразу. Не мучаясь. И как знать, может, не врут священники и, может, там, за последней чертой, его и правда ждут те, кого он потерял так неожиданно и страшно...

Но сегодня был не его день. Наверно, потому, что «толкачи» просто испугались человека, спокойно идущего навстречу смерти, и не успели как следует прицелиться. А он — успел, потому что ему не мешали эмоции. И сейчас он стоял, опустив вниз руки с пустыми пистолетами, глядя на то, как из-под джипа довольно

быстро вытекает кровь, крася в черно-красное опавшие листья на асфальте.

«Кому-то порвало артерию, — пришла вялая мысль. — И какие-то незнакомые женщины заплачут этой ночью. А потом, когда слезы высохнут, а воспоминания потеряют свою яркость, став похожими на выцветшие фотографии, найдут себе новых мужчин. Счастливые они — люди, не умеющие помнить долго...»

— Джек!

Он обернулся.

К нему, прихрамывая, шел напарник. Все-таки зацепило пацана. Нога наспех перебинтована выше колена, но если идет сам, то ничего страшного — просто царапина. И это хорошо, что зацепило быстро, пока парень не успел пообвыкнуться на службе, притереться к коллективу, начать считать эту работу своим призванием. Теперь или уйдет из полиции — или вырастет над прежним собой на три головы. Пуля, попавшая в тебя, всегда дарит бесценные подарки — или мгновенную смерть, или возможность понять, кто же ты есть на самом деле.

— Джек... что это было? Как это? Зачем?

Круглые глаза, трясущиеся губы, окровавленные пальцы, зажимающие рану поверх бинта. Шок. Похоже, вряд ли этот зеленый выпускник школы полиции останется служить и защищать...

Он не ответил. Дурацкие вопросы ответов не требуют. Впрочем, как и все остальные, на которые отвечать не обязательно.

— Звони диспетчеру, — коротко бросил он, меняя пустой магазин на полный. Потом посмотрел на полицейскую машину, больше напоминающую решето,

и добавил. — А я, пожалуй, поеду домой на метро. Скажи нашим, что рапорт напишу завтра.

И, повернувшись, направился к ближайшей станции подземки.

Да, завтра ему непременно поставят на вид то, что он как старший пары действовал не по инструкции, не вызвал подкрепления, покинул место происшествия, и так далее, и тому подобное. А он не будет объяснять, что подкрепление все равно бы не успело и «толкачи» уже сегодня ночью растолкали бы те полсотни фунтов дури по карманам мелких оптовиков, которые немедленно отправились бы на улицы продавать отраву наркам. Матерым, которым терять уже нечего, и совсем молодым, у которых есть еще шанс соскочить с иглы.

Сегодня он увеличил эти шансы. Наверно. А если и нет — плевать. И на то, что, возможно, завтра шеф прикажет ему положить на стол полицейский значок, ибо слишком много накопилось у него подобных случаев за последние годы, и на то, что рукав потихоньку становится горячим и липким не только выше локтя, но и ниже, и на то, что люди в вагоне оборачиваются на странного полицейского с кровавым пятном на рукаве, которого это пятно ничуть не заботит.

Плевать на все.

Давно уже.

С того самого дня...

* * *

Эта картина навсегда засела в его памяти. Намертво. Говорят, что со временем воспоминания

тускнеют, становятся не такими яркими и менее болезненными...

Чушь собачья.

Джек помнил все так, будто это случилось вчера...

Многие свечи уже догорели до конца, другие еще плакали воском и мигали тусклыми огоньками, слабо разгонявшими мрак, царящий в храме. Лучи рассветного солнца пока не коснулись высоких стрельчатых окон, и лишь это жалкое мерцание умирающих огарков оставалось единственным освещением.

Он шел по проходу между скамьями. Лужи крови уже успели покрыться бурой коркой и казались пятнами засохших чернил, которые кто-то в изобилии разлил по выцветшим гобеленам и полу, украшенному старинной мозаикой.

Часть трупов санитары успели снять, но три обезображенных тела еще висели на стене, мертвыми глазами следя за полицейским, идущим по проходу.

Под громадным распятием лежало что-то маленькое, накрытое куском белого полотна, выброшенного на ужасное подношение санитаром, которого не на шутку трясло от увиденного. Капля крови проступила на материи, и эта крохотная точка на снежном фоне почему-то казалась самым страшным из того океана кровавого кошмара, который сейчас властвовал в оскверненном храме. Тела на стенах, лужи засохшей крови, запах бойни в святом месте — все отходило на второй план. От крохотного красного пятнышка на белом сукне выл и рвался наружу разум, оно притягивало взгляд, оно завораживало и тащило за собой туда, за границу жизни, во мрак и холод, где царствуют, обнявшись ледяными руками, две сестры — смерть и безумие.

Джек медленно подошел к подножию гигантского распятия. Первый лучик солнца коснулся деревянного лика Христа, и, казалось, Господь изменился в лице и в ужасе прикрыл глаза, когда отец стянул окровавленное покрывало с изуродованного тельца собственной дочери.

Он неторопливо опустился на колени и наклонился над трупом. Большой розовый бант в тоненькой косичке был помят и раздавлен, и Джек начал осторожно расправлять его. В широко открытых глазах полицейского плескалось безумие, а губы шептали, шептали, шептали...

— Где же ты помяла свой бантик, малышка? Я оставил тебя всего на сутки, а ты уже успела так испачкаться... И что ты здесь делаешь? Пойдем отсюда, здесь темно и холодно... Здесь очень холодно. Ты чувствуешь, детка? Не бойся, папка теперь с тобой. Он всегда будет с тобой, моя девочка.

Он осторожно взял окровавленное тельце ребенка с огромного серебряного блюда и начал его баюкать у себя на груди, пачкая кровавыми разводами форменную рубашку.

— Это все оттого, что я не помолился за тебя в тот вечер, помнишь? Когда я выгнал пастора Мэтью. А вот и он... И мама...

Джек кивнул на распятые тела.

— Они не обиделись, правда ведь... Эй, вы ведь не обиделись? Нет? Ну вот и хорошо.

Зашипела и погасла последняя свеча. Лучи накопец-то взошедшего солнца заплясали на полу в веселом хороводе. Свет ударил в глаза Томпсона, и он на секунду зажмурился.

Свет...

Яркие лучи упали на его лицо, и безумие, уже сжимающее в своих страшных объятиях разум человека, дрогнуло и отступило. Теперь в его глазах была только невыразимая боль и кипящая ярость. Рывком он вскочил на ноги и обратил мертвое лицо ребенка к деревянному лику Христа:

— Ты видишь это? Где же ты был тогда, в ту минуту?! Зачем ты нужен мне, идол, когда в твоём храме *так* умерла моя дочь?

Распятый Бог молча висел на своей крестовине, и лишь маленькая нарисованная слеза стекала по потемневшей от времени щеке...

Лучше бы он сошел с ума в тот день. Или застрелился. Но спасительное безумие не наступило, а пустить пулю в лоб не дали друзья-полицейские. И это хорошо. Потому что горе утраты очень быстро сменилось жаждой мести. Той, что ломает любые преграды на пути к цели...

И он отомстил. Ценой невероятных усилий достиг далекой России, нашел убийцу жены и дочери — и поступил по справедливости¹. Так, как было нужно поступить.

После этого стало немного легче...

Но ненадолго.

Он вернулся домой, в Америку, начал работать снова. Служба в полиции — хорошее лекарство для того, чтобы отвлечься от мыслей — слишком страшных для того, чтобы переживать их в одиночку.

Правда, лекарство, действующее очень временно...

Ведь после работы были долгие вечера одиночества — и ночи, когда к нему приходили сны. Горящие

¹ События романа «Закон проклятого», первой книги о Снайпере литературной серии «Сталкер».

красным пламенем глаза той твари, что он убил. И та сцена в храме — яркая, в деталях.

Гораздо более страшная, чем все чудовища на свете.

Что его удерживало на этом свете? На этот вопрос Джек Томпсон не мог ответить даже сам себе. Привычка жить? Не исключено. А может, возможность вечерами пересматривать видеозаписи из семейного архива, где жена и дочь живы, смеются, машут ему руками с экрана. Смотреть — и перебирать бесценные реликвии. Тот самый бант дочери с темной каплей засохшей крови на нем, и прядь волос жены, которую он отрезал во время прощания у гроба.

Внешне Джек никогда не показывал, что творится у него на душе. На работе — особенно. Иначе бы начальство замучило навязанными походами к полицейскому психологу, а товарищи по работе — сочувственными взглядами, заставляющими ощущать себя больным, от которого боятся заразиться. О чем-то догадывался лишь старый друг Билл, который однажды подошел к нему, положил руку на плечо и сказал:

— Отпусти их, старина. Если там после смерти что-то есть, им будет легче. Прикинь, каково им оттуда смотреть, как ты мучаешься.

Джек тогда стряхнул с плеча громадную лапищу коллеги и сказал:

— С чего ты взял, что я мучаюсь? Я просто жду.

— Чего? — нахмурился Билли. — Смерти?

— Нет, — покачал головой Томпсон.

— А чего тогда?

Джек не нашелся, что ответить. Он и сам не знал, чего ждет, потому тогда просто развернулся и ушел. Когда нет ответа, это самое лучшее, что можно сделать. Но чувство ожидания, словно крохотный огонек, тле-